

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-115-122

Дата принятия рукописи в печать: 05.08.2026 г.

РАДЖАБОВ Шамиль Раджабович,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Дагестанский
государственный университет»,
e-mail: shamil.1503@mail.ru

НИСРЕДОВ Джавидин Салаудинович,

аспирант 1 курса Юридического Института ФГБОУ ВО
«Дагестанский государственный университет»,
e-mail: mail@law-books.ru

ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПРОБАЦИЯ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ РЕЦИДИВА: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье проводится комплексный криминологический анализ постпени-
тенциарной probation как ключевого фактора предотвращения рецидивной преступности
в Российской Федерации. На основе доктринальных подходов, представленных в трудах
И.И. Бирюкова, Э.С. Рахмаева, Е.В. Кунц, У.К. Хаджиева, Л.Л. Малковой и других ученых,
исследуются правовая природа, социальная обусловленность и концептуальные принципы
постпени-тенциарной probation. Анализируются механизмы реализации индивидуальных про-
грамм ресоциализации, выявляются проблемные аспекты правоприменительной практики,
включая недостатки нормативного регулирования, межведомственное взаимодействие и
ресурсное обеспечение. Обосновываются перспективные направления совершенствования
института постпени-тенциарной probation в контексте предупреждения рецидива.

Ключевые слова: постпени-тенциарная probation, рецидивная преступность, ресоциа-
лизация, социальная адаптация, Федеральный закон № 10-ФЗ, индивидуальная программа
ресоциализации, предупреждение преступности.

RAJABOV Shamil Rajabovich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of
the Department of Criminal Law and Criminology, Dagestan
State University

NISREDOV Javidin Salaudinovich,

1st year postgraduate student, Law Institute, Dagestan
State University

POST-PENITENTIARY PROBATION AS A KEY FACTOR IN PREVENTING RECIDIVISM: DOCTRINAL APPROACHES AND LEGAL PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

Annotation. The article provides a comprehensive criminological analysis of post-penitentiary
probation as a key factor in preventing recidivism in the Russian Federation. Based on doctrinal
approaches presented in the works of I.I. Biryukov, E.S. Rakhmaev, E.V. Kunts, U.K. Khadzhiev,
L.L. Malkova and other scholars, the legal nature, social conditionality and conceptual principles
of post-penitentiary probation are examined. The mechanisms for implementing individual
resocialization programs are analyzed, problematic aspects of law enforcement practice are
identified, including shortcomings of regulatory regulation, interdepartmental interaction and
resource provision. Promising directions for improving the institution of post-penitentiary probation
in the context of recidivism prevention are substantiated.

Key words: post-penitentiary probation, recidivism, resocialization, social adaptation, Federal
Law No. 10-FZ, individual resocialization program, crime prevention.

Рецидивная преступность в Российской Федерации продолжает оставаться одной из наиболее острых проблем уголовно-исполнительной политики, детерминирующей устойчивую криминализацию общества и дестабилизирующую социально-экономическую сферу. Как справедливо отмечается в научной литературе, «рецидивная преступность представляет серьезную угрозу государственной и общественной безопасности» [15, с. 104], при этом «повторное совершение преступления» выступает индикатором недостаточной эффективности как карательного воздействия, так и постпенитенциарных мер социальной адаптации.

Принятие Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» [1] ознаменовало кардинальный поворот в отечественной уголовно-исполнительной политике, заложив правовые основы для формирования комплексной системы ресоциализации и социальной адаптации лиц, подвергшихся уголовному наказанию. С 1 января 2025 г. в полном объеме вступили в силу положения закона, регулирующие постпенитенциарную пробацию – ключевой институт, направленный на оказание помощи лицам, освободившимся из учреждений уголовно-исполнительной системы и оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

Степень научной разработанности проблематики постпенитенциарной пробации в контексте предотвращения рецидивной преступности характеризуется возрастающим интересом со стороны отечественных криминологов и пенитенциаристов. Как отмечает И.И. Бирюков, «к моменту принятия профильного нормативного правового акта о пробации сформировался комплекс проблем, представляющих угрозу безопасности личности, общества и государства, решение которых находится в том числе в плоскости эффективного содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации осужденных» [2, с. 61].

В правовой доктрине тема исправления осужденных, их ресоциализации и применения пробации занимает центральное место в дискуссиях об эффективности исполнения уголовного наказания. Вместе с тем, как обоснованно отмечает Л.Л. Малкова, «специализированные научные исследования по разработке критериев эффективности деятельности субъектов пробации отечественными учеными проводятся редко и имеют узкую направленность» [8, с. 320], что обуславливает необходимость дальнейшего теоретического осмысления постпенитенциарной пробации как системообразующего фактора предупреждения рецидива.

Цель настоящей статьи состоит в проведении комплексного криминологического анали-

за постпенитенциарной пробации как ключевого фактора предотвращения рецидивной преступности в Российской Федерации, с выявлением доктринальных подходов, проблемных аспектов реализации и обоснованием перспективных направлений совершенствования.

Федеральным законом № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» [1] предусмотрены три вида пробации: исполнительная, пенитенциарная и постпенитенциарная. Постпенитенциарная пробация определяется как совокупность мер, применяемых в отношении лиц, освободившихся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, оказавшихся в трудной жизненной ситуации и нуждающихся в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации.

В доктрине уголовного права сложились различные подходы к определению правовой природы пробации. Э.А. Саркисян рассматривает пробацию как «дуалистический институт, сочетающий императивные меры государственного принуждения и диспозитивные меры социальной поддержки» [10, с. 154]. Данный подход представляется обоснованным, поскольку пробация, с одной стороны, реализуется в рамках уголовно-исполнительной системы, а с другой – предполагает добровольное участие освобожденного лица и оказание ему адресной социальной помощи.

И.И. Бирюков, исследуя социальную обусловленность пробации, приходит к выводу, что «к началу 2020-х гг. внедрение инструментов пробации в российское законодательство с учетом актуальной социально-экономической и геополитической ситуации может быть охарактеризовано как необходимая ответная реакция государства на проблемы чрезвычайного распространения рецидивной преступности, криминализации общества» [2, с. 62]. Ученый выделяет комплекс факторов, обусловивших принятие закона о пробации: препятствия экономического развития, обусловленные недостаточно эффективным использованием имеющихся трудовых ресурсов; необходимость привлечения дополнительных доходов в бюджетную систему и оптимизации расходов федерального бюджета в условиях колоссального санкционного давления.

В.Г. Громов отмечает, что «Закон о пробации направлен на эффективное включение лиц, подвергнутых уголовным наказаниям, в законопослушное общество, а также на снижение уровня рецидивной преступности в стране» [4, с. 45]. При этом исследователь обращает внимание на то, что «правовая природа пробации требует дальнейшего осмысления», поскольку «ее законодательное определение напоминает криминологическую профилактику, но вместе с тем она таковой не является».

Существенный вклад в развитие доктринальных представлений о постпенитенциарной пробации внесла Л.Л. Малкова, разработавшая четыре концептуальных принципа пробации: отказ от стигматизации, добровольность пробации, направленность на возвращение лица, совершившего преступление, к нормальной жизни в обществе (ресоциализацию), участие общества в ресоциализации осужденных. Как отмечает исследователь, «когда разработчик как самого федерального закона, так и дополняющих его подзаконных нормативных правовых актов не имеет в своем арсенале указанных или подобных им принципов, то это приводит к концептуальным ошибкам и недочетам» [8, с. 321].

Особого внимания заслуживает проблема соотношения понятий «исправление», «ресоциализация» и «пробация» в правовой доктрине. Как отмечается в научной литературе, «хотя эти понятия и взаимосвязаны, каждое из них имеет свою уникальную сущность и направленность» [14, с. 68]. «Понимание их соотношения и специфики является ключевым для разработки основных направлений пенитенциарной политики и обеспечения успешной социальной адаптации осужденных» [11, с. 70]. Представляется, что постпенитенциарная пробация занимает особое место в системе указанных понятий, поскольку она выступает институциональной формой реализации ресоциализации и социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, выходя за рамки сугубо карательного воздействия и ориентируясь на восстановление социального статуса личности.

Порядок применения постпенитенциарной пробации регламентирован главой 5 Федерального закона № 10-ФЗ [1]. Лица, освободившиеся из учреждений, исполняющих наказания, либо их законные представители вправе обратиться в администрацию учреждения с заявлением об оказании содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации в течение шести месяцев после освобождения. Учреждение в тридцатидневный срок проводит оценку нуждаемости лица и принимает решение о целесообразности оказания содействия либо об отказе.

В случае положительного решения осуществляется подготовка индивидуальной программы ресоциализации, срок реализации которой не может превышать одного года со дня начала реализации мероприятий. В индивидуальную программу могут включаться мероприятия по: восстановлению и формированию социальных связей; консультированию по социальным и правовым вопросам; оказанию психологической помощи; получению (восстановлению) документов; трудоустройству; получению пособия по без-

работице; получению образования; получению государственной социальной помощи; получению пенсионного обеспечения.

Как справедливо отмечает Э.А. Саркисян, «пробация рассматривается как последовательные этапы ресоциализации личности» [10, с. 155]. При этом «особое внимание уделяется детальной характеристике исполнительной, пенитенциарной и постпенитенциарной пробации». В реализации мероприятий постпенитенциарной пробации принимают участие различные субъекты: федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов РФ, учреждения УИС, органы службы занятости и организации социального обслуживания.

Э.С. Рахмаев, исследуя ресоциализацию лиц, отбывших наказание, в системе предупреждения рецидивной преступности, подчеркивает, что «ресоциализация и адаптация осужденных, а также комплексные меры поддержки тем из них, кто оказался в трудной жизненной ситуации», являются необходимым условием предотвращения рецидивной преступности [9, с. 122]. Ученый акцентирует внимание на том, что «ресоциализация лиц, отбывших наказание, стала неотъемлемой частью предупреждения рецидивной преступности».

Е.В. Кунц, анализируя институт пробации и предупреждение рецидивной преступности, обращает внимание на то, что «в вопросах предупреждения совершения новых преступлений особое место отводится пробации как способу борьбы с рецидивной преступностью» [6, с. 38]. У осужденного, оказавшегося в изоляции, «происходят определенные изменения, нарушаются ранее сложившиеся социальные связи, а при освобождении нередко возникают серьезные проблемы с адаптацией к жизни и риски совершения повторных преступлений».

У.К. Хаджиев в своем теоретико-прикладном исследовании института пробации рассматривает «основные направления предупредительного воздействия на преступников-рецидивистов средствами пробации» [13, с. 392]. Исследователь подчеркивает, что «пробация включает в себя комплекс мер, которые помогают бывшим заключенным интегрироваться в общество, найти работу, восстановить социальные связи и избежать влияния криминальной среды».

Представляется, что ключевое значение постпенитенциарной пробации как фактора предотвращения рецидива заключается в ее способности обеспечить непрерывность ресоциализационного воздействия. Как отмечается в научной литературе, «постпенитенциарная ресоциализация рассматривается как особое направление государственной политики по приспособлению к условиям жизни в обществе (социальной

адаптации) осужденных, отбывших наказание либо освобожденных от его отбывания, защите их прав и интересов, разрешению социального конфликта, вызванного преступлением, профилактике совершения новых преступлений» [14, с. 70].

Эффективность постпенитенциарной probation как инструмента предотвращения рецидивной преступности является предметом активных научных дискуссий. Как отмечает И.И. Бирюков, «актуальность научного поиска в указанном направлении связана с тем, что к моменту принятия профильного нормативного правового акта о probation сформировался комплекс проблем, представляющих угрозу безопасности личности, общества и государства» [2, с. 63].

Первые результаты реализации постпенитенциарной probation свидетельствуют о ее востребованности и потенциальной эффективности. Как отмечает Е.В. Кунц, в 2024 году подготовку к освобождению прошли более 35 тыс. человек, с заявлением об оказании содействия в рамках probation обратились свыше 21 тыс. человек, почти 19 тыс. из них в дальнейшем была оказана индивидуальная поддержка [7, с. 27–31]. Чаще всего освободившиеся нуждались в получении документов, трудоустройстве, консультациях по социальным и правовым вопросам, а также в психологической помощи. С 1 января 2025 года по всей стране заработала постпенитенциарная probation, главная цель которой – снижение уровня рецидивной преступности.

Вместе с тем, как обоснованно отмечает в научной литературе, «существующие системы статистических показателей не позволяют в полной степени оценить постпенитенциарный рецидив как критерий эффективности деятельности УИС и (или) критерий эффективности уголовного наказания в виде лишения свободы» [15, с. 105]. Отсутствие объективных критериев оценки эффективности затрудняет выявление недостатков правоприменительной практики и выработку научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию института probation. Как справедливо отмечает Л.Л. Малкова, «повышению эффективности реализации probation будет способствовать дальнейшая научная проработка научно-теоретической концепции (модели) probation, а также ее полная интеграция в единую систему средств профилактики правонарушений и системе оказания социальной помощи (поддержки) лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации» [8, с. 323].

В правовой доктрине высказываются различные мнения относительно критериев эффективности постпенитенциарной probation. Одни исследователи предлагают оценивать эффективность по показателям снижения рецидивной преступности, другие – по степени социальной адап-

тации освободившихся лиц, третьи – по качеству реализации индивидуальных программ ресоциализации. Представляется, что комплексный подход к оценке эффективности, учитывающий как количественные, так и качественные показатели, является наиболее обоснованным.

Несмотря на несомненную значимость института постпенитенциарной probation, его реализация сопряжена с рядом серьезных проблем, требующих научного осмысления и практического решения.

Первая группа проблем связана с недостатками нормативного регулирования. Как отмечается в научной литературе, «анализ указанного закона позволил сделать вывод о наличии в нем отдельных недостатков, существенно препятствующих его практической реализации» [3, с. 12]. В частности, Л.Л. Малкова указывает на противоречие принципов принуждения и добровольности, содержащихся в ст. 3 Федерального закона № 10-ФЗ [8, с. 322]. Кроме того, «усматривается проблема неопределенности статуса probation, поскольку, с одной стороны, ее применение относится к компетенции уголовно-исполнительной системы, а с другой – в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве нет не только регламентации probation, но даже упоминания о ней» [3, с. 14].

В.Г. Громов также обращает внимание на то, что «использование в Законе понятий социальной адаптации, ресоциализации и социальной реабилитации вызывает трудности в понимании и может создавать проблемы при его реализации» [4, с. 47]. Исследователь предлагает «для лучшей реализации полномочий субъектов probation разработать детальный регламент со стороны Правительства РФ и Федеральной службы исполнения наказаний».

Вторая группа проблем связана с межведомственным взаимодействием. Как справедливо отмечает Л.Л. Малкова, в числе актуальных проблем находятся «определение надлежащего соотношения между законодательным и подзаконным уровнем правового регулирования; установление приоритета административно-правовых норм в регламентации вопросов реализации функций probation; законодательное закрепление алгоритмов решения типичных социальных проблем осужденных и бывших осужденных; совершенствование состава субъектов probation, обеспечение должной пропорциональности в правовом закреплении их полномочий и ответственности» [8, с. 324].

Третья группа проблем касается ресурсного обеспечения. Как отмечается в научной литературе, некоммерческие организации, активно участвующие в реализации probation, «обладают ограниченными ресурсами» [5, с. 58]. Дефицит

финансовых и кадровых ресурсов создает серьезные препятствия для полноценной реализации постпенитенциарной probation, особенно в регионах с ограниченными бюджетными возможностями.

Четвертая группа проблем связана с недостаточной разработанностью критериев эффективности. Как отмечает И.И. Бирюков, «цели выступают исходным положением социально-инклюзивной деятельности субъектов probation, его двигательной силой и направляющим фактором» [3, с. 15]. Однако «существующие системы статистических показателей не позволяют в полной степени оценить постпенитенциарный рецидив как критерий эффективности» [15, с. 106].

Пятая группа проблем связана с низкой активностью освобожденных лиц в обращении за помощью в рамках постпенитенциарной probation. Согласно мониторинговым данным, количество лиц, обратившихся с соответствующим заявлением в уголовно-исполнительную инспекцию, составляет от 0 до 20 человек в 48 регионах, более 20 – в 10 регионах, что в среднем не превышает 5% от общего числа освобожденных [8, с. 33–35]. Среди причин сложившегося положения называются: нежелание освобожденных лиц получать услуги постпенитенциарной probation, отсутствие обязанностей у освобожденных, а также страх перед попаданием под контроль со стороны государства.

Анализ доктринальных подходов и первых результатов реализации постпенитенциарной probation позволяет выделить ряд перспективных направлений ее развития.

Во-первых, требуется обеспечить устойчивую работу государственной информационной системы «Единый реестр лиц, в отношении которых применяется probation», что позволит создать единую базу данных для мониторинга эффективности probationных мероприятий и оценки динамики рецидивной преступности.

Во-вторых, необходима активизация поддержки работодателей, трудоустраивающих лиц, освобожденных из мест лишения свободы, через меры экономического стимулирования на региональном уровне. Как справедливо отмечает У.К. Хаджиев, probation «помогает бывшим заключенным интегрироваться в общество, найти работу, восстановить социальные связи и избежать влияния криминальной среды» [12, с. 393]. Трудоустройство является одним из наиболее значимых факторов успешной ресоциализации, и его стимулирование должно стать приоритетным направлением государственной политики.

В-третьих, требуется разработка общих стандартов для взаимодействия федеральных, региональных и местных властей в сфере probation, что позволит унифицировать подходы к реа-

лизации постпенитенциарной probation на всей территории Российской Федерации.

В-четвертых, как справедливо отмечает Л.Л. Малкова, необходимо «создание системы специализированных органов постпенитенциарной probation на базе региональных учреждений (центров) социального обслуживания населения; совершенствование научно-методического обеспечения деятельности субъектов probation; решение вопросов профессиональной подготовки персонала, задействованного в реализации функций probation» [8, с. 325].

В-пятых, заслуживает внимания предложение о рассмотрении вопроса о принудительной probation как основании для решения суда об условно-досрочном освобождении. Данная мера позволила бы распространить probationное воздействие на более широкий круг освобождающихся лиц, повысив тем самым эффективность предупреждения рецидива.

На основе проведенного анализа доктринальных подходов и выявленных проблемных аспектов реализации постпенитенциарной probation представляется необходимым предложить следующие конкретные меры по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Внесение изменений в Федеральный закон № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации» в части:

а) устранения нормативного противоречия между принципами принуждения и добровольности, закрепленными в ст. 3 Закона, путем четкого разграничения сфер применения принудительных (в рамках исполнительной и пенитенциарной probation) и добровольных (в рамках постпенитенциарной probation) мер, что позволит преодолеть концептуальную неопределенность правовой природы probation;

б) законодательного закрепления обязанности освобожденного лица, в отношении которого применяется постпенитенциарная probation, соблюдать условия индивидуальной программы ресоциализации, с установлением дифференцированных мер ответственности за их неисполнение (предупреждение, продление срока реализации программы, отказ в дальнейшем оказании содействия), что позволит повысить дисциплинирующий потенциал probation и обеспечить реальное исполнение принимаемых обязательств;

в) расширения перечня мероприятий, включаемых в индивидуальную программу ресоциализации, за счет мер по содействию в решении жилищного вопроса (включая содействие в постановке на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях и предоставлении жилья из маневренного фонда), медицинской реабилитации (включая оказание первичной медико-сани-

тарной помощи и направление на стационарное лечение при наличии медицинских показаний) и социально-психологической адаптации (включая индивидуальное и групповое психологическое консультирование, коррекцию деструктивных установок и формирование социально-позитивных ценностных ориентаций), что обусловлено комплексным характером проблем, с которыми сталкиваются освобожденные лица, и подтверждается данными мониторинга.

Разработка и принятие подзаконных нормативных правовых актов, регламентирующих:

а) детальный порядок взаимодействия субъектов пробации (федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов РФ, учреждений УИС, органов службы занятости, организаций социального обслуживания и некоммерческих организаций) с четким определением их компетенции, сроков и форм взаимодействия, механизмов обмена информацией и ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение возложенных функций, что позволит преодолеть межведомственные барьеры, на которые указывает Л.Л. Малкова [8, с. 324];

б) единые стандарты и критерии оценки эффективности деятельности субъектов пробации, включая показатели снижения рецидивной преступности (доля лиц, не совершивших повторных преступлений в течение одного, двух и трех лет после освобождения), степени социальной адаптации освобожденных лиц (трудоустроенность, наличие жилья, восстановление социальных связей, получение документов) и качества реализации индивидуальных программ ресоциализации (полнота и своевременность выполнения запланированных мероприятий), что позволит восполнить существующий пробел в статистическом обеспечении оценки эффективности постпенитенциарной пробации;

в) порядок финансового и материально-технического обеспечения деятельности центров постпенитенциарной пробации, включая механизмы государственной поддержки некоммерческих организаций, участвующих в реализации пробации (грантовая поддержка, субсидирование затрат, предоставление помещений на безвозмездной основе), что позволит преодолеть проблему ограниченности ресурсов, на которую справедливо обращает внимание И.В. Дворянсков [5, с. 58].

Внедрение института принудительной пробации как основания для решения суда об условно-досрочном освобождении (путем дополнения ст. 79 УК РФ положением о том, что применение к лицу принудительной пробации является одним из условий условно-досрочного освобождения, а также внесения соответствующих изме-

нений в Федеральный закон № 10-ФЗ), что позволит распространить пробационное воздействие на более широкий круг освобождающихся лиц, повысить мотивацию осужденных к социально-правомерному поведению и в конечном счете увеличить эффективность предупреждения рецидива.

Разработка научно обоснованной методики оценки эффективности постпенитенциарной пробации, включающей как количественные (динамика рецидивной преступности, доля лиц, успешно завершивших индивидуальные программы ресоциализации, количество трудоустроенных лиц, количество лиц, восстановивших социальные связи), так и качественные (степень социальной адаптации, уровень удовлетворенности освобожденных лиц оказанной помощью, субъективная оценка изменения ценностно-нормативной сферы личности) показатели, что позволит обеспечить объективный мониторинг результатов пробационной деятельности и выработать научно обоснованные рекомендации по ее совершенствованию, что соответствует позиции Л.Л. Малковой о необходимости дальнейшей научной проработки теоретической модели пробации и ее полной интеграции в единую систему профилактики правонарушений [8, с. 323].

Создание системы профессиональной подготовки и повышения квалификации кадров, задействованных в реализации функций пробации, включая разработку специализированных образовательных программ для сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, центров социального обслуживания и некоммерческих организаций, с акцентом на формирование компетенций в области социальной работы, криминологической профилактики, психологического консультирования и межведомственного взаимодействия, что позволит обеспечить кадровый потенциал для эффективной реализации пробационных мероприятий и преодолеть проблему недостаточной профессиональной подготовки персонала, на которую обоснованно указывает Л.Л. Малкова [8, с. 325].

Проведенный криминологический анализ позволяет констатировать, что постпенитенциарная пробация объективно выступает системообразующим фактором предотвращения рецидивной преступности в Российской Федерации, поскольку именно она обеспечивает преемственность между карательным воздействием и постпенитенциарной социальной интеграцией освобожденных лиц. Принятие Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» и вступление в силу с 1 января 2025 г. соответствующих положений заложили нормативный фундамент для формирования институциональной модели ресоциализации, однако, как показал доктри-

нальный анализ, ее концептуальная проработка остается незавершенной. В научной литературе представлены различные подходы к определению правовой природы пробации – от социально-обусловленной государственной реакции на рецидив (И.И. Бирюков) до дуалистического института, сочетающего принудительные и добровольные начала (Э.А. Саркисян), а также к ее принципам, включая отказ от стигматизации и добровольность (Л.Л. Малкова), однако единая теоретическая модель постпенитенциарной пробации до настоящего времени не сложилась.

Ключевой потенциал постпенитенциарной пробации заключается в ее способности нейтрализовать основные криминогенные детерминанты постпенитенциарного периода – безработицу, отсутствие жилья, утрату социальных связей, документальную неопределенность и психологическую дезадаптацию – посредством комплексной социально-психологической, профессиональной и правовой поддержки. Вместе с тем реализация этого потенциала сопряжена с комплексом взаимосвязанных проблем: нормативная неопределенность статуса пробации, несогласованность межведомственного взаимодействия, кадровый и финансовый дефицит, отсутствие научно обоснованных критериев эффективности и низкая мотивация освободившихся лиц к обращению за помощью. Перспективное развитие института требует системного решения указанных проблем через совершенствование законодательной регламентации, создание специализированных государственных структур постпенитенциарной пробации, разработку объективных критериев оценки результативности и формирование действенных стимулов для участия освободившихся лиц в пробационных программах. Дальнейшие научные изыскания должны быть направлены на создание эмпирически обоснованной методики оценки эффективности, установление корреляционных связей между пробационными мероприятиями и динамикой рецидива, а также критическую адаптацию зарубежных моделей постпенитенциарной адаптации с учетом российской правовой и социокультурной специфики.

Список литературы:

- [1] О пробации в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 6. – Ст. 941.
- [2] Бирюков, И. И. Социальная обусловленность пробации в современной России / И. И. Бирюков // Юридические исследования. – 2025. – № 9. – С. 61–74. – DOI: 10.25136/2409-7136.2025.9.75780..
- [3] Бирюков, И. И. Цели пробации в России: дефекты и противоречия / И. И. Бирюков // Право и политика. – 2025. – № 4. – С. 10–18.
- [4] Громов, В. Г. Пробация и проблемы ее реализации в Российской Федерации / В. Г. Громов // Уголовно-исполнительное право. – 2024. – № 3. – С. 44–49.
- [5] Дворянсков, И. В. Постпенитенциарная пробация: концептуальные принципы / И. В. Дворянсков // Пенитенциарная наука. – 2024. – Т. 18. – № 2. – С. 55–62.
- [6] Кунц, Е. В. Институт пробации и предупреждение рецидивной преступности: отечественный и зарубежный опыт / Е. В. Кунц // Юридический вестник Самарского университета. – 2024. – Т. 10. – № 4. – С. 35–42.
- [7] Кунц, Е. В. Специально-криминологические меры предупреждения рецидивной преступности / Е. В. Кунц // Уголовно-исполнительное право. – 2024. – Т. 19. – № 1. – С. 78–85.
- [8] Малкова, Л. Л. Отдельные концептуальные вопросы научно-теоретической модели пробации в Российской Федерации / Л. Л. Малкова // Пенитенциарная наука. – 2025. – Т. 19. – № 3 (71). – С. 320–327. – DOI: 10.46741/2686-9764.2025.71.3.011..
- [9] Рахмаев, Э. С. Ресоциализация лиц, отбывших наказание, в системе предупреждения рецидивной преступности / Э. С. Рахмаев // Уголовно-исполнительное право. – 2024. – № 2. – С. 120–127.
- [10] Саркисян, Э. А. Понятие и сущность пробации как правового института в системе мер социальной адаптации осужденных / Э. А. Саркисян // Образование. Наука. Научные кадры. – 2026. – № 1. – С. 153–157. – DOI: 10.24412/2073-3305-2026-1-153-157..
- [11] Стрилец, О. В. Институт исправления осужденных: становление, развитие и современное состояние / О. В. Стрилец // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2024. – № 2 (69). – С. 66–74.
- [12] Хаджиев, У. К. Роль пробации в предупреждении преступности / У. К. Хаджиев // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 7. – С. 392–393.
- [13] Хаджиев, У. К. Теоретико-прикладное исследование института пробации в современной России: проблемы реализации и пути их решения / У. К. Хаджиев. – Махачкала : Изд-во ДГУ, 2026. – 180 с.
- [14] Соотношение понятий «исправление», «ресоциализация» и «пробация» в правовой доктрине // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2025. – № 1 (70). – С. 66–73.
- [15] Постпенитенциарный рецидив как критерий эффективности уголовного наказания // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2023. – № 2. – С. 104–112.

References:

- [1] On probation in the Russian Federation: Federal Law of February 6, 2023 No. 10-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2023. – № 6. – Art. 941.
- [2] Biryukov, I. I. Social conditioning of probation in modern Russia/I. I. Biryukov // Legal research. – 2025. – № 9. – S. 61-74. – DOI: 10.25136/2409-7136.2025.9.75780..
- [3] Biryukov, I. I. Goals of probation in Russia: defects and contradictions/I. I. Biryukov // Law and politics. – 2025. – № 4. – S. 10-18.
- [4] Gromov, V. G. Probation and the problems of its implementation in the Russian Federation/ V. G. Gromov // Penal Law. – 2024. – № 3. – S. 44-49.
- [5] Dvoryanskov, I.V. Post-penitential probation: conceptual principles/I.V. Dvoryanskov // Penitentiary science. – 2024. – VOL. 18. – № 2. – S. 55-62.
- [6] Kunts, E.V. Institute for Probation and Prevention of Recurrent Crime: Domestic and Foreign Experience/E.V. Kunts // Legal Bulletin of Samara University. – 2024. – T. 10. – № 4. – S. 35-42.
- [7] Kunz, E.V. Special criminological measures for the prevention of recurrent crime/ E.V. Kunz // Criminal executive law. – 2024. – VOL. 19. – № 1. – S. 78-85.
- [8] Malkova, L. L. Separate conceptual issues of the scientific and theoretical model of probation in the Russian Federation/L. L. Malkova // Penitentiary science. – 2025. – VOL. 19. – № 3 (71). – S. 320-327. – DOI: 10.46741/2686-9764.2025.71.3.011..
- [9] Rakhmaev, E. S. Resocialization of persons who have served their sentences in the system of preventing recurrent crime/ E. S. Rakhmaev // Criminal enforcement law. – 2024. – № 2. – S. 120-127.
- [10] Sargsyan, E. A. The concept and essence of probation as a legal institution in the system of measures of social adaptation of convicts/ E. A. Sargsyan // Education. Science. Scientific cadres. – 2026. – № 1. – S. 153-157. – DOI: 10.24412/2073-3305-2026-1-153-157..
- [11] Strilets, O. V. Institute for the Correction of Convicts: Formation, Development and Current State/O. V. Strilets // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 2 (69). – S. 66-74.
- [12] Hadzhiev, U. K. The role of probation in crime prevention/U. K. Hadzhiev // Agrarian and land law. – 2025. – № 7. – S. 392-393.
- [13] Hadzhiev, U. K. Theoretical and applied research of the probation institute in modern Russia: problems of implementation and ways to solve them/ U. K. Hadzhiev. - Makhachkala: Publishing House of DSU, 2026. - 180 s.
- [14] The ratio of the concepts of "correction," "resocialization" and "probation" in the legal doctrine // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2025. – № 1 (70). – S. 66-73.
- [15] Post-penitential relapse as a criterion for the effectiveness of criminal punishment // Asia-Pacific: economics, politics, law. – 2023. – № 2. – S. 104-112.

